

СТОЛЫПИН
ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ

1862 - 1911 гг.

СЕРИЯ < СЛЕД В ИСТОРИИ >

ДМИТРИЙ ТАБАЧНИК

ПЕТР
СТОЛЫПИН
ПОСЛЕДНИЙ РЕФОРМАТОР ИМПЕРИИ

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС

2022

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)52-8
КТК 031
Т12

Табачник Д. В.

Т12 Пётр Столыпин : последний реформатор империи / Дмитрий Табачник. — Ростов н/Д: Феникс, 2022. — 630, [1] с. — (След в истории).

ISBN 978-5-222-36480-2

Крушение Российской империи — одна из тех глобальных исторических трагедий, которые каждый из нас может легко спроецировать на сегодняшние дни, на свою судьбу и личную историю. Быть реформатором в России — всегда подвиг, тем более в такую драматическую эпоху. Судьба П. А. Столыпина подтверждает это. Являя собой образец глубоко верующего православного политика, он начал масштабные преобразования, социально-экономической целью которых было создание в России условий для процветания общества хозяев, основанного на праве. За это революционеры люто ненавидели П. А. Столыпина и боялись его.

Доктор исторических наук, профессор Д. В. Табачник документально воссоздает портрет председателя Совета министров Российской империи. Эта книга — результат работы с архивными материалами, с воспоминаниями современников. Особое внимание уделяется перипетиям борьбы с террором, реализации программы системных реформ, попыткам достичь соглашения с либеральной оппозицией, политическим интригам и раскладу сил в правящей верхушке. В книге также подробно исследуется загадочная история убийства П. А. Столыпина агентом охранного отделения, являющаяся до настоящего времени одним из наиболее таинственных покушений XX века.

**УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)52-8**

ISBN 978-5-222-36480-2

© Табачник Д. В., текст, 2022
© Орлова И.В., иллюстрация на обложке, 2022
© ООО «Феникс», оформление, 2022
В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2022

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей.

П. А. Столыпин

Меня вела моя вера...

**Из последнего письма
П. А. Столыпина жене
(28 августа 1911 года)**

«Им нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия»

Эта крылатая фраза, мгновенно ставшая и девизом, и афоризмом, произнесённая 115 лет назад, очерчивает главный смысл деятельности великого государственного деятеля России, ставшего последним реформатором Российской империи, Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911).

Почему фигура Столыпина более столетия не оставляет равнодушными множество людей самых различных (зачастую — диаметрально противоположных) политических взглядов?

Может быть, потому что именно Петр Столыпин предпринял последнюю в истории Российской империи попытку спасти и реформировать русскую цивилизацию.

Еще при жизни яростными критиками Столыпина выступали (как и спустя столетия) ряженые либералы, радикалы и «бесы революции» всех мастей, направлений и течений. Люди, для которых сама мысль о Великой России, России — лидере мировой цивилизации, о созидании Российского государства была нестерпимо мучительна, вызывала и вызывает прилив ненависти.

Ленинская оценка Столыпина как «обер-вешателя, погромщика, который подготовил себя к министерской деятельности истязанием крестьян» долгие годы мешала любой непредвзятой оценке личности Петра Аркадьевича.

Поддерживали Петра Столыпина интеллектуальные лидеры России: философы и публицисты Иван Ильин и Пётр Струве, писатели Василий Розанов, Михаил Меньшиков и Александр Солженицын, политики-патриоты Николай Львов и Василий Шульгин, для которого Столыпин остался не просто образцом государственного деятеля, но и кумиром до конца жизни...

В сложной предреволюционной России памятник Петру Столыпину был открыт в Киеве на Думской площади уже 6 сентября 1913 года — случай невиданный в истории Российской империи — через два года после его гибели. На постаменте были высечены главные слова его жизни: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия».

...Доказательная документалистика порой вызывает ощущение кабинетного академизма и оторванности от жизни. Мне хочется передать читателю эмоциональный импульс, которым я был наполнен, пока создавалась книга. И сама эпоха, и этот человек «заряжены» на сегодняшний день. Те годы — не просто история: катастрофа Российской Империи настолько масштабна, что невозможно и в XXI в. не ставить себя в обстоятельства той эпохи. А Пётр Столыпин как личность — опора для нас сегодняшних: это целостный человек, не лицемерящий ни перед другими, ни перед собой.

Петру Столыпину была нужна Великая Россия. И ради своей мечты, ради величия Родины он отдал свою жизнь.

Дмитрий Табачник

«Простой и мужественный образ...»

Если бы были призраки, которые мешали бы мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю.

П. А. Столыпин

Один из соратников Столыпина — Иван Иванович Тхоржевский, занимавший важный для реализации аграрной реформы пост помощника начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия МВД, вошёл в историю не только как видный государственный деятель императорской России, а потом и Белого движения. Он также являлся талантливым поэтом и переводчиком, в том числе автором прекрасных переводов Омара Хайяма. Памяти погибшего, подобно воину на поле брани, за «Веру, Царя и Отечество», заплатившего собственной жизнью за проводившуюся с нечеловеческой энергией политику коренного обновления всего строя государственной и общественной жизни империи великого премьер-реформатора он посвятил следующие поэтические строки:

Он — был из одного куска,
Как глыба цельного гранита.
И мысль его была ярка,
Неустрасима и открыта.

Уже забытою порой
Полубезумного шатанья
Вернул он к жизни — твёрдый строй,
Вернул он власти — обаянье.

В этих простых, лишённых ненужного пафоса словах точно и исчерпывающе характеризуется вся суть «эпохи Столыпина», вернувшей не только «твёрдый строй», но и «обаянье» власти. Именно «обаянье» — пусть данное определение и звучит несколько непривычно. Выскажем мысль — именно благодаря тому, что после смерти Столыпина власть начала стремительно утрачивать «обаянье», стали возможны дальнейшие революционные потрясения (те самые «полубезумные шатанья»), под знаком которых прошла бóльшая часть отечественной истории XX века и которые продолжают отбрасывать тень и на день сегодняшний.

Видимо, совмещение черт практического государственного деятеля и человека высокого искусства, подлинного творца, сделали возможным то, что Тхоржевский ясно видел вещи как будто очевидные, но ускользавшие от внимания подавляющего большинства современников (как, впрочем, они ускользают и спустя столетие). Ведь именно Тхоржевскому принадлежат и следующие слова о Столыпине, но уже не стихотворные, а написанные сугубо с позиций преданного сподвижника в курсе великих преобразований: «Упрямый русский националист (понятно, что речь идёт о национализме не этническом, а имперско-государственном, когда понятие нации носит политически-объединяющий характер. — *Авт.*), он был и упрямейшим, подтянутым западником: человеком чести, долга и дисциплины

(здесь, как и далее, курсив наш. — *Авт.*). Он ненавидел русскую лень и русское бахвальство, штатское и военное. Столыпин твёрдо знал и помнил две основные вещи: 1) России надо было внутренне привести себя в порядок, подтянуться, окрепнуть, разбогатеть и 2) России ни в коем случае — ещё долго! — не следовало воевать.

Благодаря Столыпину Россия вышла тогда из смуты и вступила в полосу невиданного ранее хозяйственного расцвета и великодержавного роста. Перед такой заслугой — так ли существенны столыпинские ошибки, уклоны и перегибы!

Как человек и политик П. Столыпин всегда был практическим реалистом, он трезво и просто разглядывал любое положение и внимательно искал из него выход. Зато, раз приняв решение, шёл на его исполнение безбоязненно, до самого конца. И на наших глазах этот простой и мужественный образ честного реалиста был не только облечён героическим ореолом: он начинает уже обрастать светящейся легендой — в согласии с исторической правдой».

Не будем говорить о данной оценке основных положений столыпинской политики, хотя Тхоржевский здесь предельно точен. Во всяком случае очевидно, что исторически роль Столыпина чрезвычайно сходна с ролью Петра Великого, сумевшего точно так же, преодолев хаос и расхлябанность, выстроить великую державу и дать толчок её дальнейшему развитию. Однако при этом Столыпину действовать было несравненно труднее, чем создателю Российской империи. Для Петра Великого вопрос о методах действий, их оценке общественным мнением и внешним миром вообще не стоял, а глава правительства Николай II действовал в стране, вставшей (пусть вначале и крайне

неуверенно) на путь суверенного демократического развития. Более того, если для первого российского императора вопрос заключался в первую очередь в максимально возможной концентрации реальной власти в своих руках, то было бы явной примитивизацией сводить политику преобразований Столыпина только к фактору укрепления власти, серьёзно пострадавшей в результате революции и террора (хотя, разумеется, это было обязательным условием для всех дальнейших его действий). Одной из важнейших составляющих столыпинского курса реформ было строительство подлинно демократических институтов, в том числе и передача ряда властных функций от центра к земствам. Да, зачастую Столыпин был вынужден действовать предельно жесткими и недемократическими методами, но делалось это не в целях сохранения авторитаризма, а напротив — создания нового, построенного на идее свободного развития общества.

Но всё же особо главное в словах Тхоржевского — его характеристика не столько политического курса премьера, сколько видение его как личности. Заметим, что именно в этом контексте мы старались писать и данную книгу, для которой в первую очередь важен сам Столыпин как личность, чьё величие ещё в полной мере не осознано. Недаром и сейчас, в совершенно новой исторической обстановке, мы вновь и вновь возвращаемся к столыпинскому эксперименту и возвращаемся отнюдь не только ради интереса к прошлому. Успех Столыпина (пусть предельно быстро и нивелированный его преемниками) и ныне указывает направления деятельности как в экономической сфере, так и в жизненно необходимом для успешного развития построении эффективной модели власти, передачи максимума её функций на

места и даже в геополитике, вечные законы которой действительны для всех времен.

Тхоржевский недаром применил к образу Столыпина эпитеты не только «мужественный», но и «простой». И если первый самоочевиден (и даже, возможно, недостаточен для определения человека, занимавшего не один год две самые опасные должности в империи — министра внутренних дел и главы правительства), то второй требует некоторого пояснения. Дело в том, что Пётр Аркадьевич был действительно прост как государственный деятель. Причём прост естественно, а не расчётливо, с целью получения большей популярности. Недаром у Тхоржевского «простота» неразрывно связана с такими понятиями, как честь и долг.

Мы старались показать в представляемой книге, что величие Столыпина как государственного деятеля заключалось прежде всего в том, что он брал свою программу не из абстрактных теоретических построений, а «просто» — непосредственно из жизни. В первую очередь так создавалась (далеко не одномоментно) концепция аграрной реформы, ставшей главным делом его жизни. Она строилась на очевидном для преобразователя России естественном чувстве собственности, о чём Столыпин говорил прямо: «Природа вложила в человека некоторые врождённые инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землёю. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нём врождённого чувства собственности ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности».

Кроме того, чрезвычайно значимо для понимания личности Столыпина и то, что, несмотря на многочисленные обвинения как политических врагов, так и завистников-«единомышленников», вопросы честолюбия и карьеры были ему совершенно безразличны. Более того, власть он ни в коей мере не воспринимал как цель, а лишь как тяжкое бремя, и только чувство долга (неразрывное для него как для потомка древних дворянских родов, урожденного Рюриковича, с чувством чести) заставляло нести его это тяжкое бремя. Нести, не только ежечасно рискуя жизнью своей и близких, но и постоянно получая крайне болезненные удары по самолюбию и незаслуженные обвинения.

Не менее важно для нашего понимания Столыпина и его действий то, что он был подлинно православным политиком. Православным — отнюдь не в смысле декларирования внешнего обрядоверия. Вся его государственная деятельность была основана на христианском мировоззрении. Даже казнить террористов он был вынужден не из чуждого ему чувства мести, а чтобы сохранить страну от пролития неизмеримо большего количества крови невинных людей. Именно глубокая вера помогла Столыпину выстоять в тяжелейших испытаниях, которые он при вступлении в должность министра внутренних дел считал непреодолимыми только силами человеческими. Но несмотря на подобный пессимизм, Столыпин ни в коей мере в своих практических действиях не исходил из настроений исторической обречённости, а неизменно, при любых обстоятельствах решительно действовал, видя в этом свой долг государственного деятеля и православного христианина.

В том числе Столыпин впервые в истории сумел противопоставить отлаженной и разрастающейся, подобно раковой

опухоли, террористической системе свою решимость идти до конца и, в конечном счете, созданную им более действенную систему государственной борьбы с терроризмом. Время полностью подтвердило правоту этого пути, приобретшего особенную актуальность в эпоху глобального терроризма.

О глубине столыпинского самоотречения во имя высших интересов ярко свидетельствуют слова премьера, сказанные им в разгар революционного террора: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, устремляя уже взоры в вечность. А вечером, когда опять возвращаюсь в свою комнату, то благодарю Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания о близости смерти, как расплаты за свои убеждения. Порою, однако, я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

Да, замысел убийцы и стоящих за ним сил в конечном счете удался и недаром на одном из возложенных на могилу траурных венков было написано: «Запугать тебя не могли, тебя предательски убили».

Однако Столыпин сумел в подлинном смысле «смертию смерть поправить», о чем свидетельствует востребованность его идей высшего порядка.

Председатель Совета министров полностью отдавал себе отчет во внутреннем тотально бездуховном содержании революции, которую необходимо было подавить для дальнейшего обновления страны. И прежде чем победить революцию физически, он одержал над ней победу духа.

Отнюдь не случайным является то, что именно благодаря Столыпину в русской интеллигенции созрело и выкристал-

лизовалось понимание бессодержательности и пагубности любой революции, какими бы красивыми лозунгами она не маскировала свою отталкивающую сущность.

Именно под влиянием Столыпина, ставшего для страны не только государственным, но и нравственным лидером, стало возможным такое уникальное духовное явление, как сборник «Вехи», в котором лучшая и наиболее прозорливая часть интеллигенции выразила свое неприятие революционной лжи.

Без реализации столыпинского курса один из главных участников «Вех» Семён Франк никогда бы не смог дать исчерпывающего определения революционного миража, определения, действительного для всех времен — от якобинцев до срежиссированных внешними кукловодами шоу (подчас кровавом) «цветных революций». Прочитируем эти слова, значение которых со временем только возрастает: «Всякая революция обходится народу слишком дорого, не окупает своих издержек; в конце всякой революции общество, в результате неисчислимых бедствий и страданий анархии, оказывается в худшем положении, чем до неё, просто потому, что истощение, причиняемое революцией, всегда неизмеримо больше истощения, причиняемого самым тягостным общественным строем, и революционный беспорядок всегда хуже самого плохого порядка. Революция есть всегда чистое разрушение, а не творчество. Правда, на развалинах разрушенного, по окончании разрушения или даже одновременно с ним, начинают действовать и восстанавливающие творческие силы организма, но это суть силы не самой революции, а скрытые, сохранённые от разрушений живые силы; и то, что они творят, всегда совсем не похоже на то, к чему стремились силы революции,

во имя чего затевалась и подготовлялась революция. Эти живые силы не порождены революцией и даже не освобождены ею; как всё живое, они имеют органические корни в прошлом, действовали уже при "старом порядке", и как бы затруднено ни было тогда их действие, оно во всяком случае не менее ослаблено разрушением и пустотой, причинёнными революцией. Поэтому телеологически при обсуждении осмысленности действий, планомерно направленных на улучшение, всякая революция должна быть признана бессмыслицей и потому преступлением. Как бы тягостен ни был какой-либо сложившийся общественный порядок, как бы ни задерживал он творческого развития народной жизни, он имеет преимущество живого перед мёртвым, бытия перед небытием; как бы медленно и болезненно ни шло произрастание новых форм жизни в лоне старого, сохранение этого лона всегда лучше отрыва от него и его разрушения».

Не вызывает сомнения, что современный политический, националистический и религиозный экстремизм является прямым наследником революционного нигилизма начала прошлого века, который сумел победить только такой подлинно великий государственный деятель, как Столыпин. Что особенно важно подчеркнуть — государственный деятель, исходивший во всех своих действиях не только из текущих интересов. Он недаром имел среди предков святого великомученика князя Михаила Черниговского. Столыпин понимал, что народ — это не только ныне живущие. Это в равной степени и все ушедшие поколения, жившие на этой земле, и поколения, которым надо передать в будущем не только землю, но и цивилизационную ментальность, без которой земля становится просто территорией.

Если подняться до философско-онтологических обобщений, то очевидно, что борьба Столыпина с революционным разрушением во всех его видах является неотъемлемым элементом борьбы с глобальным хаосом. Можно сформулировать это положение ещё более широко — частью вечной борьбы бытия с небытием.

Именно в философском плане значение наследия Столыпина всё более возрастает сейчас, когда уже весь мир после краха биполярной модели планетарного равновесия постоянно балансирует на грани глобального хаоса.

Премьер отчетливо видел как в террористических актах, так и в сладком тлене духовного разложения так называемого Серебряного века признаки глобальной атаки на Традицию как основу государственного и ментального бытия. И сейчас мы вновь наблюдаем, насколько усилился разрушительный напор против Традиции в её различных ипостасях.

Столыпин в своё время принял на себя основной удар сил глобального хаоса, целью которых было, как ещё ранее пророчески писал великий философ-отшельник Константин Леонтьев, тотальное нивелирование культур, достижение окончательной унификации мира, что явится концом цивилизации как соцветия культур и традиций.

Председатель Совета министров абсолютно верно избрал единственно возможную модель сопротивления наступлению унифицированного зла — органическое сочетание мер силового и духовного сопротивления. Их синтез позволил ему сохранить страну, которая вскоре, несмотря на проигранную войну с Японией и перенесенные революционные беспорядки, вновь заняла принадлежащее ей по праву место в мире.

Увы, как точно отметил один из активных проводников столыпинского курса Сергей Крыжановский: «Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покати́лась под гору и сама Россия».

И это, заметим, вызывает у православных верующих четкую ассоциацию с ключевым положением православной эсхатологии о «катехоне», или «удерживающем теперь», устранение которого открывает путь приходу Антихриста.

Но в конечном счете вера, долг и честь Столыпина оказались сильнее пуль и бомб боевиков-террористов, клеветы и непонимания поставленных им целей со стороны оппозиции, косности и нежелания реформ большей части правящей верхушки. Великий реформатор исторически победил навсегда, пусть даже ему пришлось «душу свою положить за други своя», заплатив жизнью за преобразованную Россию. Он доказал непреложную для православного христианина истину — только политика, основанная на подлинной вере, политика чести и долга, политика не во имя собственного честолюбия, а во имя народа может быть действительно успешной.

Поэтому погибший, как солдат на посту, председатель Совета министров является в первую очередь символом исторического оптимизма и нашего грядущего духовного возрождения.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Глава I

«Deo spes mea»

История не творится произвольными деяниями «великих людей», как то гумали в доброе старое время. Но история не творится и какими-то безличными силами, выражающимися в деяниях и настроениях масс, как то гумали лет 50 назад. История — это сплошная равнодействующая поступков множества личностей, каждая из коих складывается в зависимости от общественных и культурных условий, в которых ей довелось развиваться, и вкладывается в исторические события со своим удельным весом, зависящим от персональных свойств и общественного положения.

**Н. С. Тимашев¹, из предисловия к книге М. П. Бок
«Воспоминания о моём отце П. А. Столыпине»,
Нью-Йорк, издательство имени Чехова, 1953 год**

¹ Николай Сергеевич Тимашев (1886—1970) — выдающийся русский социолог и правовед, один из создателей социологии права (отрасль социологии, изучающая вопросы функционирования права как социального института). Автор классических трудов «Преступления против религии», «Преступное возбуждение масс» (в котором антигосударственная революционная деятельность исследовалась с точки зрения права), «Теория социологии», «Введение в социологию права» и ряда других. Считал основой государственного и культурного развития России христианскую цивилизацию. Умер в Нью-Йорке.

Очевидно, что тема родословной Столыпина заслуживает отдельного фундаментального исследования — настолько она интересна и неисчерпаема. Дворянский род Столыпиных восходит ко второй половине XVI века, и множество его представителей оставили заметный след в истории Государства Российского.

Первое письменное упоминание о роде Столыпиных относится ко времени царствования Иоанна IV (более известного в истории как Иван Грозный), когда некий тверской дворянин «Второй Титович Столыпин... подписался на поручной записи (письменное поручительство за кого-либо в том, что это лицо в назначенный срок «на суд станет». — *Авт.*) бояр и дворян по князю Охлябинине». Именно этот Второй Титович Столыпин (о котором больше практически ничего, кроме упоминания в поручной записи, не известно) и стал первым известным нам предком будущего великого реформатора по отцовской линии. Однако официальная последовательная поколенная роспись рода Столыпиных начинается не с него, а с жившего уже в самом конце XVI века тверского дворянина Григория Столыпина, который и считается основателем дворянского рода. Причина этого, наиболее вероятно, в том, что во время Смутного времени множество документов о дворянских родах пропало в общей сумятице и безвластии, а восстановить их потом не представлялось возможным.

Сын Григория Столыпина Афанасий упоминается в источниках как муромский городской дворянин, у которого было поместье в 850 четвертей и жалованье в 25 рублей в Муромском уезде.

Род Столыпиных внесён в VI часть родовой книги Пензенской и Саратовской губерний, и в этих губерниях

фамилия Столыпиных была всегда хорошо известна и пользовалась уважением. Кстати, именно данное обстоятельство в определённой мере способствовало успешной деятельности Столыпина на посту саратовского губернатора в годы революционного лихолетья. А в Никольском районе Пензенской области до наших дней сохранилось родовое село Петра Аркадьевича — Столыпино, носившее в советские времена «политкорректное» название Междуречье — с целью стирания в народе памяти о царском премьерe.

Родственниками Столыпина были представители знаменитых дворянских родов Горчаковых, Лермонтовых (Михаил Юрьевич Лермонтов — троюродный брат Петра Аркадьевича Столыпина), Голицыных, Мордвиновых, Вяземских, Чаадаевых, Евреиновых, Дохтуровых, Оболенских, Шереметевых, Давыдовых, Сипягиных, Кочубеев, Лопухиных-Демидовых, Мещериновых и других.

Стоит хотя бы коротко сказать о некоторых наиболее выдающихся предках будущего премьера, и отнюдь не потому, что авторы придают излишне большое значение генеалогии и преувеличивают роль наследственности. Дело в том, что сам Пётр Аркадьевич всегда помнил о своих служивых предках, гордился их заслугами перед Отечеством, и его становление в качестве государственного деятеля во многом обусловлено именно упомянутым фактором.

Можно практически безошибочно предположить, что все мужчины из дворянского рода Столыпиных участвовали в многочисленных войнах своего времени — это тогда была общая судьба всех дворян, жизнь которых отнюдь не была раем. Свои привилегии они неизменно оплачивали своей же кровью, и ещё очень далеко было до современного Пет-

ру Аркадьевичу времени разложения российского дворянства, о котором коротко и точно сказал его соратник из Киева Василий Витальевич Шульгин: «Был класс, да съездился».

Однако, как правило, документов о воинской службе Столыпиных не сохранилось, и можно только предполагать, что, например, упоминавшийся выше Второй Титович Столыпин не мог не участвовать в военных походах Ивана Грозного.

Документы о службе Столыпиных царю и Отечеству есть только начиная с внука Григория Столыпина — дворянина из города Мурома (откуда родом и причисленный к лику святых богатырь Илья Муромец, мощи которого покоятся в Киево-Печерской лавре) Сильвестра Афанасьевича Столыпина, который принимал участие в войне с Польшей 1654 — 1656 годов. В 1672 году Сильвестр был пожалован в московские дворяне и получил грамоту на вотчину в 140 четвертей из 700 четвертей поместного оклада в Муромском уезде.

И после него все Столыпины служили Отчизне на военной или иной государевой службе, что уже подтверждается многочисленными документами.

Так, Аркадий Алексеевич Столыпин (1778 — 1825) кроме того, что был популярным писателем, автором известных в его время произведений «Восточный моралист», «Нравоучительная повесть», «Отрывок», дослужился при императоре Александре I до сенатора. Его старшая сестра Елизавета (1773 — 1845) и приходилась родной бабкой Михаилу Юрьевичу Лермонтову, а сын Алексей (1816 — 1856) был близким другом великого поручика Тенгинского полка.

Алексея Аркадьевича Столыпина (которого друзья обычно называли Монго) современники считали человеком незаурядным, и среди друзей Лермонтова он был наиболее

интересной и значительной фигурой. Вот что писал о Монго историк литературы Павел Александрович Висковатов, автор первой биографии поэта и редактор его собрания сочинений: «Отменная храбрость этого человека была вне всякого подозрения. И так было велико уважение к этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпина, что, когда он однажды отказался от дуэли, на которую был вызван, никто в офицерском кругу не посмел сказать укорительного слова и этот отказ, без всяких пояснительных замечаний, был принят и уважен, что, конечно, не могло бы иметь места по отношению к Другому лицу: такая была репутация этого человека. Он несколько раз вступал в военную службу и вновь выходил в отставку. По смерти Лермонтова, которому он закрыл глаза, Столыпин вскоре вышел в отставку и поступил вновь на службу в Крымскую кампанию в Белорусский гусарский полк, храбро дрался под Севастополем (там за выдающуюся храбрость он получил золотое оружие и был досрочно произведён в майоры. — *Авт.*), а по окончании войны вышел в отставку и скончался затем в 1856 году во Флоренции».

А вот что писал о своём друге сам Лермонтов:

Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,

Не занимался он чинами,
Ходил невытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.

Согласно одной из версий, на роковой пятигорской дуэли Монго был секундантом поэта, и впоследствии многие его осуждали за то, что не сумел удержать друга от неё. Но официально зафиксированный в документах следствия как лермонтовский секундант князь Александр Илларионович Васильчиков считал, что Монго был бессилён тогда что-либо изменить в ходе событий. Как считал князь (преданный военному суду, но помилованный императором Николаем I): «Столыпин?! На каждого мудреца довольно простоты! При каждом несчастном событии недоумеваешь потом и думаешь, как было упущено то или другое, как недосмотрел, как допустил и т. д. Впрочем, *Столыпин серьёзнее всех глядел на дело и предупреждал Лермонтова*; но он по большей части был под влиянием Михаила Юрьевича и при несколько индолентном² характере вполне поддавался его влиянию».

Жена Аркадия Алексеевича Вера была дочерью выдающегося российского государственного деятеля, соратника Михаила Михайловича Сперанского графа Николая Семё-

² В переводе с латыни «безболезненный, нечувствительный к боли». — *Авт.*

новича Мордвинова (1754—1845), которого в определённом плане можно считать идейным предшественником Петра Аркадьевича в попытке реформирования империи. Во всяком случае, сам Пётр Аркадьевич хорошо знал о проектах мордвиновских реформ, и они явно наложили след (конечно, в применении к новой исторической обстановке) на его собственную стратегию преобразований.

Мордвинов был одним из наиболее видных российских флотоводцев — он успешно командовал линейным кораблём «Георгий Победоносец», во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов Лиманской флотилией, возглавлял осаду с моря, бомбардировку и штурм Очакова. Его легендарная личная храбрость поражала современников, и что показательно, проявлялась она не только в бою. Мордвинов был единственным членом Высшего уголовного суда, отказавшимся подписать смертный приговор руководителям мятежа на Сенатской площади, что явно потребовало не меньшего мужества, чем пребывание под турецкими ядрами.

Также Николай Семёнович занимал видные административные должности на протяжении нескольких царствований — в том числе был председателем Черноморского адмиралтейского совета, членом Адмиралтейской коллегии, первым российским министром морских сил. Однако не менее, чем заслуги в развитии флота, важны попытки реформ, которые Мордвинов пытался проводить на должностях члена Государственного совета и председателя Департамента государственной экономии, а впоследствии члена Финансового комитета и Комитета министров.

Мордвинов, как впоследствии и Столыпин, был абсолютно убеждён в том, что консервация устаревших социаль-

но-экономических отношений и политического строя обречёт Россию на отставание от остальных великих держав и второстепенную роль в мире. Мордвинова и Столыпина также объединяло то, что реформы для них не являлись самоцелью — они считали, что любые преобразования должны укреплять, а не ослаблять государство (что, увы, неоднократно случалось в отечественной истории).

В экономической сфере Мордвинов добивался превращения империи в индустриальную державу, что предполагало достигнуть реализацией комплекса стратегических мер. Наиболее важные из них — освобождение крестьян без земли (что должно было дать рабочие руки для интенсивного развития индустрии), внедрение при государственной поддержке в производство последних научных достижений, финансовая реформа и всемерная поддержка российского предпринимательства (в том числе путем предоставления податных льгот). В области землепользования боевой адмирал был убеждён, что управление государством казёнными землями неэффективно и их следует передать представителям высшей аристократии для организации образцовых хозяйств.

Но одними экономическими реформами стратегия Мордвинова не ограничивалась — он считал, что родовитое дворянство должно обладать определёнными политическими правами. Де-факто это являлось бы (причём при сохранении политической стабильности) переходом от самодержавия к установлению конституционной монархии по британскому образцу.

В общем, нельзя не заметить, что план мордвиновских реформ стал шагом к будущей столыпинской политике модернизации Российской империи, приведению её в соответ-

ствие с вызовами времени. Общей, в значительной мере, стала и нереализованность реформ: почти полная — мордвинских и не доведённых до «увенчания здания» — столыпинских.

Двоюродный дед Петра Аркадьевича генерал-лейтенант Николай Алексеевич Столыпин (1781 — 1830) был одним из героев Отечественной войны 1812 года. Он был награждён орденом Святого Георгия 3-й степени (император Александр I своим рескриптом дал его вместо более низкого — 4-го, на награждение которым Столыпина представил генерал Пётр Христианович Витгенштейн) за сражение под Витебском, а в заграничных походах Николай Алексеевич отличился под Данцигом. В 1830 году, будучи севастопольским губернатором, во время чумного бунта генерал был захвачен при штурме губернаторского дома и потом на улице забит дубинами и камнями обезумевшей толпой. В этом факте нельзя не увидеть какой-то рок: так же — мученически — погиб ещё один предок Столыпина — капитан в отставке Даниил Александрович Столыпин (1728 — 1773): он был зверски убит во время пугачёвского бунта в Краснослободске Пензенской губернии. Думается, Пётр Аркадьевич не мог не вспоминать страшную смерть предков, когда выходил к предельно наэлектризованным демонстрациям в Саратове — тогда каждое неверное слово или движение могли стоить ему жизни.

Брат Николая Алексеевича Александр Алексеевич Столыпин хоть и не дослужился до генеральских чинов, но был храбрым офицером и состоял личным адъютантом Александра Васильевича Суворова во время швейцарского похода (интересен тот факт, что жена Петра Аркадьевича Ольга Борисовна Нейдгардт была праправнучкой генералиссимуса).

Несколько выбивается из списка блестящих военачальников и офицеров прадед Петра Аркадьевича Алексей Емельянович Столыпин (1744—1810). Его увлечением было не военное дело, а коммерция. После службы в лейб-кампанском корпусе и отставки в чине поручика Алексей Емельянович построил возле имения прекрасные, по последнему слову техники оборудованные винокуренные заводы и сумел получить (каким способом, можно только догадываться) крайне выгодные казённые подряды на поставки вина военному ведомству. Это сделало его владельцем крупнейшего состояния и позволило завязать прочные связи в среде высшей придворной аристократии. Предприимчивого помещика избирают предводителем пензенского дворянства, а его прибылей хватает не только на покупку роскошных домов в Петербурге и Москве, сёл в Пензенской губернии, но даже на такую прихоть, как содержание одного из лучших в России крепостных театров (позднее столыпинская группа станет основой московского Малого театра). Деньги и связи дали возможность Алексею Емельяновичу доказать древность своего рода и внести его в VI часть дворянской родословной книги Пензенской губернии, что делало Столыпиных столбовыми дворянами (это было значительно престижнее просто потомственного дворянства).

Впрочем, подобная предприимчивость и равнодушие к государевой службе были явным исключением в роду Столыпиных. Дед Петра Аркадьевича Дмитрий Алексеевич (1785—1826) пошёл по проторённому предками пути война. После окончания Московского университетского благородного пансиона (где позднее обучался и Лермонтов) он проходит военную службу в лейб-гвардии конно-артиллерийской роте, где и получает первое офицерское звание.

Впервые юный конно-артиллерист отличается в битве под Аустерлицем, в которой проявляет выдающуюся личную храбрость. Но молодой офицер серьёзно интересуется и вопросами военной теории, и его публикации используются для создания первого в российской армии артиллерийского устава. После Отечественной войны Столыпин служит в Южной армии, где и получает генеральские эполеты. Встречаются утверждения о его близости в данный период с декабристами, однако документов на этот счёт не существует, и можно предположить, что дело ограничивалось не более чем личными хорошими отношениями с некоторыми заговорщиками. Во всяком случае, никаких официальных обвинений в адрес Столыпина после подавления военного мятежа выдвинуто не было, да и трудно представить, чтобы генерал с его понятиями о чести и верности присяге участвовал в заговоре.

Дед по матери Петра Аркадьевича генерал от артиллерии генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Горчаков (1793 — 1861) — одна из наиболее заметных фигур в военной истории России. Он был участником Отечественной войны (в том числе Бородинской битвы), заграничных походов 1813 — 1814 годов (в том числе Битвы народов при Дрездене), польской войны 1831 года. Во время похода в Венгрию в 1849 году генерал Горчаков назначается начальником штаба Действующей армии и проявляет незаурядные способности стратега. Во время Восточной (Крымской) войны 1853 — 1856 годов он сначала командует тремя пехотными корпусами, действовавшими на Дунае и побережье Чёрного моря до Буга, а после их вывода из пределов Валахии и Молдавии (по предательскому требованию австрийского императора Франца Иосифа I, оставшегося на троне только

благодаря вводу в 1849 году российских войск в Венгрию) назначается командовать Южной армией на северо-западном побережье Чёрного моря и реке Прут. После высадки войск антироссийской коалиции в Крыму генерал некоторое время командует Крымской армией, а в феврале — августе 1855 года руководит обороной Севастополя. С января 1856 года Горчаков — наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией. Согласно завещанию он был похоронен в Севастополе, героическая оборона которого была для генерала главным событием в наполненной сражениями и героизмом жизни.

Отец Петра Аркадьевича — Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822 — 1899) во многом повторил блестящую боевую биографию генерала Горчакова, также став генералом от артиллерии. Как офицер Генерального штаба он участвует в Венгерском походе и за боевые отличия досрочно получает капитанский чин, в Восточной войне сражается на Дунае и при обороне Севастополя (где получает золотую саблю с надписью «За храбрость»). Кстати, в Севастополе Аркадий Столыпин становится другом тогда никому не известного молодого офицера-артиллериста Льва Толстого, и их закалённая в пороховом дыму дружба сохранится навсегда.

После Восточной войны начинается блестящая административная карьера Аркадия Дмитриевича. Сначала талантливого офицера-артиллериста император Александр I (вообще ценивший людей незаурядных) делает своим флигель-адъютантом, а в 1857 году назначает наказным атаманом Уральского казачьего войска. А. Столыпин много сделал для освоения этого тогда ещё во многом дикого края и за отличие по службе в 1859 году награждается званием генерал-майора с оставлением в царской свите. В 1868 году

наказной атаман становится генерал-лейтенантом с оставлением по конной артиллерии, а в следующем — оставляет военную службу и назначается шталмейстером двора (это было одно из самых высоких придворных званий). В это же время Столыпин продает подмосковное имение Середниково и переезжает в имение Колноберже под Ковно (сейчас Каунас, Литва). О том, как Аркадием Дмитриевичем было получено имение, дочь Петра Аркадьевича Мария фон Бок позже рассказывала следующее: «Его родственник Кушелев, проиграв ему в яхт-клубе значительную сумму денег, сказал: денег у меня столько свободных нет, а есть у меня небольшое имение в Литве, где-то около Кедайн (теперь Кедайнай), сам там никогда не был. Хочешь, возьми его себе за долг. Так и стало принадлежать нашей семье милое Калнабярже, унаследованное потом моим отцом».

Через несколько лет, во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов, генерал вновь возвращается в строй. Как рассказывали очевидцы, когда император проезжал через Вильну и увидел на вокзале встречавшего его Столыпина в расшитом золотом шталмейстерском мундире, между ними произошел следующий диалог:

— Как грустно мне видеть тебя не в военной форме.

— Буду счастлив её надеть, Ваше Величество.

— Тогда назначаю командовать корпусом действующей армии.

И вскоре Аркадий Дмитриевич отправляется на театр военных действий, где он особенно отметился во время взятия крепости Никополь, первым комендантом которой он и стал. Следует особо отметить, что на войне генерала сопровождала его супруга Наталья Михайловна Горчакова, самоотверженно исполнявшая в госпиталях обязанности

сестры милосердия. После победы над турками Столыпин назначается генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, позже командует несколькими армейскими корпусами, а потом, до самой смерти, он был заведующим Дворцовой частью в Москве (то есть фактически комендантом Московского Кремля).

В общем, Петру Аркадьевичу было кем гордиться из своих предков и было с кого брать пример в служении Отчизне. Остаётся добавить разве что ещё только один штрих. Кого бы мы ни взяли из предков Столыпина, в подавляющем большинстве это были люди глубоко православные, для которых жизнь без веры была невозможна, а государственное служение одновременно считалось и служением Богу. Показателен в этом плане и высочайше утвержденный фамильный герб рода Столыпиных, описание которого приведём из утверждённого указом императора Павла I «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи»: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней — голубое, изображён одноглавый серебряный орёл, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой — серебряную подкову, с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: "DEO SPES MEA"».

В переводе с латыни «DEO SPES MEA» значит «Бог — наша надежда». В самое тяжёлое время именно вера помогла Столыпину не отчаиваться и выполнять свой долг несмотря ни на что.

Думается, что особую стойкость Столыпину в исполнении долга придавало то, что по линии матери он был прямым потомком одного из первых и наиболее почитаемых русских святых — святого благоверного князя Михаила

Оглавление

«Им нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия».....	7
«Простой и мужественный образ...»	9
Глава I. «Deo spes mea».....	20
Глава II. По стопам предков	39
Глава III. Гродненский губернатор.....	57
Глава IV. Во главе «трудной губернии»	83
Глава V. «Жребий брошен...»	112
Глава VI. Председатель Совета министров	157
Попытка создания коалиционного кабинета	157
В борьбе с «великими потрясениями».....	168
«Возведение лесов»	200
Драма 3 июня.....	260
«Путь созидательной работы»	328
Глава VII. «Счастлив умереть за царя...».....	352
Кровавый лес политического терроризма	352
Подготовка к киевским торжествам	356
Господа охранники	366
Начало. Явление «Аленского».....	382
«Николай Яковлевич» и «Нина Александровна».....	406
18 ряд, кресло № 406.....	423
Смерть премьера, следствие и казнь на Лысой горе.....	442
«Вихрь предположений»	463
Приложение. Документы, материалы, комментарии.....	503

Популярное издание

ТАБАЧНИК Дмитрий Владимирович

Пётр Столыпин

Последний реформатор империи

Ответственный редактор *А. Боровиков*

Выпускающий редактор *Г. Логвинова*

Формат 70×100 /16 . Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 06.2022. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)
Адрес: Дудулла Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)
по заказу и под контролем ООО «Феникс»

Почта для заявок: idea@fenixrostov.ru